

Гутова Светлана Георгиевна

д-р филос. наук, доцент, профессор

Ольховский Андрей Викторович

аспирант

ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»

г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

DOI 10.31483/r-169098

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ КАК ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация: в статье анализируются социокультурные практики современной российской молодежи как один из способов конструирования идентичности в условиях нестабильной социальной среды. Рассматривается процесс трансформации досуговых, цифровых и творческих активностей молодежи, связанных с поиском комфортных коммуникаций и возможности самопрезентации. Особое внимание уделяется противоречивому влиянию цифровизации, которая, с одной стороны, расширяет горизонты самопрезентации, а с другой – порождает фрагментацию идентичности и зависимость от внешних факторов. Показывается, что, активное участие в различных социальных проектах становится для молодежи способом самоутверждения, обретения собственных личностных смыслов в противовес формализованным, навязываемым извне социальным ролям.

Ключевые слова: молодежь, идентичность, молодежная культура, социокультурные практики, социальная среда, потребности молодежи.

Проблема идентичности на современном этапе развития общества становится актуальной именно для молодежи, поскольку каждое новое поколение, находится в состоянии активного социального становления, поиска своего места в социуме. Очевидно, это связано сегодня с многообразием возможностей, позволяющих выбирать свои роли, менять их в течение жизни, а также двигаться к

выбранному статусу и при этом расти в социальном плане в любом направлении, что одновременно расширяет горизонты самоопределения и одновременно порождает новые риски. Цель данной статьи – проанализировать современные социокультурные практики молодежи как механизм поиска идентичности, выявить их специфику в условиях цифровой эпохи. Социокультурные практики молодежи необходимо рассматривать широко, поскольку они представляют собой не только уже известные досуговые формы активности, это еще и сложный механизм конструирования идентичности, способ ответа на фундаментальные вопросы «кто я?» и «каково мое место в мире?». Актуальность темы обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, цифровая трансформация общества кардинально изменила ландшафт социокультурных практик: виртуальное пространство стало не просто дополнением, но полноценной средой для формирования идентичности. Во-вторых, традиционные институты социализации – семья, школа, профессиональные сообщества – утрачивают монополию на трансляцию ценностей и моделей поведения, уступая место сетевым сообществам и цифровым платформам. В-третьих, сама структура идентичности становится более фрагментированной и динамичной, что требует переосмысления теоретических подходов к ее изучению [3, с. 72].

Как отмечают современные исследователи, сама «молодежь активно меняет представление о своем предназначении, роли в жизни общества и своих жизненных планах» [9; 11; 13]. Этот процесс не является спонтанным – он отражает глубинные социальные трансформации, связанные с глобальной информатизацией и переходом важнейших социальных практик в виртуальное пространство. В этих условиях социокультурные практики молодежи становятся показателем более широких общественных изменений и одновременно инструментом, с помощью которого молодое поколение адаптируется к новой реальности. Надо учитывать, что «Молодежь, являясь важным трудовым ресурсом региона, во многом определяет его культурный и интеллектуальный образ, формирует его будущие социокультурные контуры [10, с. 41]

Исследование социокультурных практик молодежи предполагает междисциплинарный подход. Фундаментальное значение для понимания природы молодежных практик имеет социокультурный подход, который позволяет рассматривать молодежную культуру «с позиции ее многофункциональности (учитывая социально-философский и культурологический аспект) и одновременно его исторической конкретности». Такой подход позволяет видеть молодежные практики как продукт конкретного социально-исторического контекста и одновременно активный фактор его трансформации.

В современных исследованиях подчеркивается, что «Идентичность представляет собой важный инструмент включения молодежи в общественную жизнь, который подразумевает легитимизацию конкретных практик (в определенный исторический период), через их одобрение определенной группой, общностью или же обществом в целом» [1, с. 89]. Надо отметить двойственную природу социокультурных практик, поскольку они одновременно являются и формой адаптации к изменениям, и инструментом их активного производства. Важным направлением исследований является изучение маргинализации молодежных практик. Этот процесс имеет как позитивные аспекты (освобождение от устаревших норм), так и негативные (риск дезориентации и вовлечения в деструктивные сообщества).

Необходимо подчеркнуть роль цифровых технологий в трансформации молодежных практик. Этот аспект важен для понимания специфики современных идентификационных процессов, поскольку идентичность все чаще конструируется через потребление и воспроизводство контента, а не через реальное участие в жизни сообщества [11]. Прежде всего хотелось бы обратить внимание на цифровизацию как наиболее значимый для современной молодежной среды фактор трансформации социокультурных практик. Характерной чертой современной социокультурной ситуации являются процессы виртуализации и технологизации социального пространства. В современных исследованиях отмечается, что «Процессы цифровой трансформации направлены на имитацию возможностей человеческой деятельности, что в некотором смысле способствует упрощению

социокультурных практик и их постоянной корректировке» [2, с. 22]. Позитивным моментом цифровизации выступает новая дополненная и виртуальная реальность, которая предлагает новые творческие пространства и существенно расширяет возможности самопрезентации, которых не существовало ранее. Цифровая среда трансформирует саму природу социокультурных практик, а «Интернет-коммуникация, в частности, через социальные сети, способна детерминировать особенности идентичности личности» [5, с. 60].

Если ранее субкультурная идентичность формировалась через физическое присутствие в определенных локациях – концертных площадках, клубах, «тусовках», – то сегодня ключевой ареной становится цифровое пространство. Это порождает новое качество идентичности, так надо отметить, что она становится в большей степени «искусственно конструируемой», «демонстрационной» и «документируемой», чем проживаемой [8].

Одна из наиболее значимых трансформаций современных социокультурных практик – переход от устойчивых субкультур с четкой идеологической платформой к более гибким и текучим формам общности, обозначаемым суффиксом «-core». Как отмечается в современных исследованиях, «core» представляет собой «принцип группировки визуальных, музыкальных, поведенческих и идейных элементов вокруг одной ключевой темы» [2]. Эта трансформация отражает изменение самой логики идентификационных процессов. Если классические субкультуры (панки, готы, металлисты) предполагали относительно устойчивую систему ценностей и мировоззрения, то современные «эстетики» строятся вокруг настроения (vibe), визуального образа и тематического ядра. Это не означает, что они лишены смыслового содержания, но это содержание организовано иначе – более фрагментированно и менее идеологизированно [3]. Значительный интерес представляют явления, которые исследователи характеризуют как квазисубкультуры – «группы, формирующиеся вокруг определённых интересов или трендов, но не имеющие ярко выраженной идентичности», формирование которых связано с размыванием устойчивых границ. Современные исследователи все чаще приходят к выводу, что ни одна из современных молодежных групп,

идентифицируемых как субкультуры, не соответствует в полной мере уже известным классическим критериям субкультуры [11]. Данное наблюдение фиксирует фундаментальный сдвиг в изучении поведения и формирования новых социальных практик современной молодежи. Если классическая субкультура предполагала относительно высокий уровень внутренней дифференциации, устойчивую символику и ритуалы, то современные формы молодежной самоорганизации часто оказываются менее структурированными. Это связано с влиянием цифровых алгоритмов, которые, по выражению исследователей, «разрушили монокультуру», фрагментировав пространство идентификационных возможностей. В этих условиях границы между «своими» и «чужими» становятся более проницаемыми. Молодой человек может одновременно идентифицировать себя с несколькими эстетическими направлениями, переключаться между ними в зависимости от контекста и не чувствовать необходимости в жесткой фиксации идентичности. Идентичность становится более текучей, мобильной и ситуативной.

Поиск идентичности у молодежи все чаще приобретает форму цифрового конструирования «себя». В этом контексте социокультурные практики выполняют функцию конструирования идентичности через создание визуально-смыслового образа «себя». Молодой человек выбирает определенную эстетику, создает соответствующий профиль в социальных сетях, участвует в определенных цифровых практиках – и через это утверждает свою идентичность. Важно отметить, что эта идентичность имеет выраженный перформативный характер: она существует не столько как внутренняя уверенность, сколько как демонстрируемый набор практик и стилей. Трансформация социокультурных практик несет с собой и существенные риски, которые на самом деле можно только приблизительно просчитать. Исследователи отмечают «маргинализацию некоторых современных молодежных культурных практик», что может выражаться в отчуждении от традиционных социальных институтов, принятии деструктивных моделей поведения и вовлечении в сообщества с агрессивной идеологией. «Взаимосвязь свободы и деструктивности является очень сложной и неоднозначной... подавление в человеке его стремления к свободе неизбежно приводит к чувству

отчужденности и может провоцировать различные формы деструктивного поведения [4, с. 146].

Особую обеспокоенность вызывает эскапизм, то есть уход от реальности в цифровые или вымышленные миры, который подменяет подлинную работу над идентичностью симуляцией принадлежности. «В современном мире молодой человек не испытывает особой потребности и желания взрослеть, принимать на себя всю полноту ответственности» [8, с. 3409]. Эскапизм, таким образом становится поведенческой стратегией. Исследователи феномена эскапизма отмечают, что виртуальные практики стали важнейшей составляющей жизни индивида, создав условия, усиливающие эскапистские тенденции и настроения [12, с. 160]. При этом эскапизм не всегда носит исключительно депривационный характер. Как показывает анализ практик праздности и недеяния в молодежных сообществах XX века, подобные стратегии могли выступать в качестве способов личностной элитизации и творческого развития, носить социально протестный характер. Однако в современном цифровом контексте эскапизм все чаще становится фактором деструктивной социализации, что подтверждается исследованиями, посвященными феномену цифрового эскапизма и его влиянию на социализацию молодежи. В то же время, как показывают исследования, риск вовлечения в деструктивные практики может быть снижен через создание альтернативных социальных пространств. Опыт инновационных образовательных проектов показывает, что предложение сильной гражданской идентичности, живых эмоциональных связей и откровенных диалогов о рисках может быть эффективной альтернативой запретительным мерам. При этом важно подчеркнуть, что социокультурные практики молодежи следует понимать не как девиацию, а как адаптивный ответ на социальные изменения. Поиск идентичности через новые формы общности и самовыражения отражает потребность молодого поколения в самоопределении в условиях, где традиционные идентификационные структуры утратили монополию. При этом для современной культурной политики важно учитывать, что «Именно молодежь, являясь в будущем основой общества способна внести

максимальные преобразования и адаптировать новые культурные ценности к современным условиям».

Таким образом, можно сделать вывод, что социокультурные практики молодежи претерпевают фундаментальную трансформацию под влиянием цифровых технологий. Виртуальное пространство становится не просто средой распространения практик, но местом их первичного производства. Это меняет сам характер идентичности, поскольку ее сущность все более становится демонстрируемой, документируемой и фрагментированной. При этом изменения затрагивают и структуру молодежных сообществ. На смену классическим субкультурам с устойчивой идеологией приходят более текущие формы общности, организованные вокруг визуальных и эмоциональных тем, а также фандомы, предлагающие глобальную принадлежность через потребление контента. Многие современные молодежные сообщества уже перестали соответствовать классическим критериям субкультуры, что позволяет характеризовать их как «квазисубкультуры».

Еще одним важным выводом, является признание идентичности как постоянного становления, то есть как процесса. Современные молодежные практики показывают, что идентичность становится менее фиксированной и все более экспериментальной, даже непредсказуемой. Молодые люди могут переключаться между различными идентификационными режимами, комбинировать элементы разных эстетик и не ощущать необходимости в жестком самоопределении [6]. Это создает как новые возможности для самореализации, так и риски дезориентации и эскапизма. Необходимо обратить внимание на уже сложившиеся в современном обществе риски маргинализации социокультурных практик, что находит свое отражение эскапизме, то есть в уходе от традиционных социальных ролей, принятии пессимистических мировоззренческих установок и вовлечение в деструктивные сообщества. Однако эти риски могут быть снижены через создание альтернативных пространств для формирования идентичности, предлагающих содержательные возможности для самореализации.

Список литературы

1. Богатырь В.С. Особенности формирования современных социокультурных молодежных практик / В.С. Богатырь, С.Г. Гутова // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2024. – №3(66). – С. 85–92. DOI 10.26907/2079-5912.2024.3.85-92. EDN NYJKIO
2. Горенкин В.А. Социокультурные практики в контексте современной действительности / В.А. Горенкин, Л.С. Гаспарян, А.В. Швецова // Культурная жизнь Юга России. – 2024. – №2(93). – С. 21–28. DOI 10.24412/2070-075X-2024-2-21-28. EDN VFQMCK
3. Гришаева С.А. Социальные трансформации в условиях цифровой среды / С.А. Гришаева // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2020. – Т. 26. №1. – С. 70–81. DOI 10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81. EDN DWLIGU
4. Гутова С.Г. Идеология экстремизма и терроризма как форма деструктивного поведения: философский анализ / С.Г. Гутова, Н.Н. Самохина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – №12–2(74). – С. 145–149. EDN YHFMKB
5. Емельянова О.Б. Личностная идентичность как проблема в свете развития информационно-коммуникативных технологий / О.Б. Емельянова // Общество: философия, история, культура. – 2023. – №8(112). – С. 56–64. DOI 10.24158/fik.2023.8.7. EDN HSTASN
6. Занина К.Д. Перспективы формирования культурной идентичности российской молодежи в пространстве молодежной моды / К.Д. Занина // Культура и цивилизация. – 2023. – Т. 13. – №10А. – С. 30–39. DOI 10.34670/AR.2023.55.79.004. EDN ETSNNZ
7. Копытин С.М. К вопросу о субкультурной идентичности / С.М. Копытин // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №2. – С. 320–323. EDN RWUFTV

8. Гутова С.Г. Культура молодежи: в поисках духовных оснований / С.Г. Гутова, З.А. Целищева, О.М. Бабкова // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В.А. Мансуров. – Тюмень: Российское общество социологов, 2020. – С. 3403–3412. DOI 10.19181/kongress.2020.405. EDN PBCTPE

9. Гражданская идентичность как фактор просоциального поведения российской молодежи / Т.Е. Ляпина, С.Д. Гуриева, А.В. Мальцева, Н.Е. Шилкина // Национальный психологический журнал. – 2026. – Т. 21. №2. – С. 97–108. DOI 10.11621/npj.2026.0207. EDN IZDORQ

10. Молодежь в условиях Севера: социокультурные тенденции, миграция и качество жизни / С.Г. Гутова, С.В. Данилова, Н.Н. Самохина, И.Н. Брянский // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – №10. – С. 36–43. DOI 10.23672/q9122-1378-5854-б. EDN MBTDBU

11. Молодежь нашего города: субкультуры, движения, идеологии и практики (социологический путеводитель): коллективная монография / под науч. и общ. ред. Т.А. Хагурова. – М.: Народное образование, 2025. – 197 с.

12. Напсо М.Д. Эскапизм как предмет философской рефлексии / М.Д. Напсо // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2024. – Т. 24. Вып. 2. – С. 157–161. DOI 10.18500/1819-7671-2024-24-2-157-161. EDN YVBHFC

13. Социальные практики молодежи в современном российском обществе: новые модели и вызовы: монография / З.А. Целищева, С.В. Каипбекова, М.В. Думинская [и др.]. – Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2024. – 184 с. EDN IVMEYO